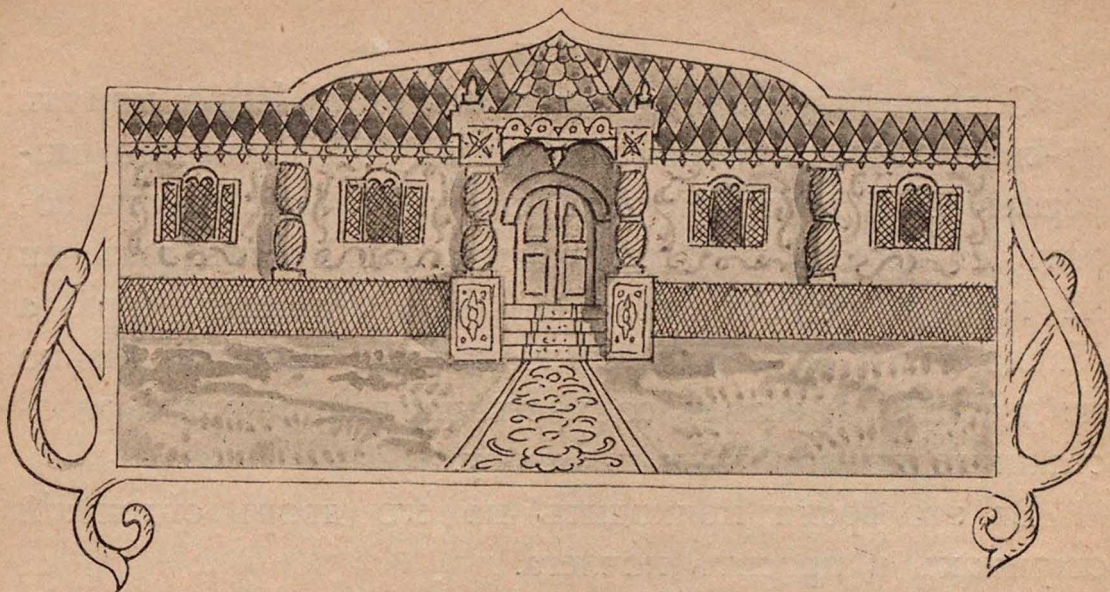

Марко богатый.

I.

Жиль-быль Марко богатый. Такъ прозывался онъ потому, что было у него несмѣтное богатство. И Марко тѣмъ весьма величался, и былъ непо-мѣрно гордъ своимъ прозвищемъ. Во снѣ и наяву ему грезилось только его богатство.

Однажды, стоя въ церкви, Марко сказалъ своему сосѣду:

— Что это, сосѣдъ, какъ ни богатъ я, а хоть бы разъ Господь Богъ пожаловалъ ко мнѣ въ гости!

— Что жъ, — отвѣчалъ сосѣдъ, — приготовься лучше, и Господь посѣтитъ тебя Своею благостью.

Сосѣдъ разумѣлъ по-христіански, а Марко понялъ по-своему; сталъ готовить богатый обѣдъ, пышно убиралъ свой домъ; настлалъ парчи и бархату отъ воротъ до церкви и сталъ дожидаться; а самъ ужъ ни на кого и не глядитъ. Прошла обѣденная пора, а Марко все ждетъ. Ужъ стало садиться солнце. Марко не дождался и велѣлъ собирать парчи и бархаты, разостланные по дорогѣ и по двору.

Въ это время приходитъ на его дворъ сѣденькій старичокъ и проситъ ночлега.

— Не до тебя мнѣ, — сказалъ ему съ сердцемъ Марко.

— Ради Бога, Марко богатый, укрой меня отъ темноты ночной!

Марко, чтобы отвязаться, велѣлъ впустить его въ избу, гдѣ лежала у него при смерти хворая тетка.

На другой день видитъ Марко, что идетъ къ нему тетка совсѣмъ здоровая.

— Какъ это угораздило тебя? — сказалъ онъ съ удивленіемъ.

— Ахъ, Марко богатый, — отвѣчала она, — знаешь ли что? Видѣла я, будто въ эту ночь Господь Богъ приходилъ въ избу и будто къ Нему прилеталъ ангелъ и рассказывалъ, что въ эту ночь родилось три младенца: одинъ у купца; другой у крестьянина, а третій у какого-то бѣднаго, и спросилъ:

— Какой талантъ присудишь имъ, Господи?

И Господь сказалъ:

— Купеческому сыну обладать отцовскимъ талантомъ; крестьянскому сыну обладать землепашествомъ, а бѣднякову сыну — Марковымъ богатствомъ.

— А еще что?—спросилъ Марко.

— Да вотъ какая еще благодать: какъ проснулась я, то стала совсѣмъ здоровая, какъ самъ видишь!

— Это ладно,—сказалъ Марко,—только съ бѣднякова сына много будетъ обладать Марковымъ богатствомъ!

II.

Однако залегло у него это на душу. На ту же пору родилась у него дочь. И захотѣлъ Марко провѣдать, подлинно ли родился его наслѣдникъ у бѣдняка? Поѣхалъ, отыскалъ бѣдняка, и видитъ, что у него, въ самомъ дѣлѣ, родился мальчикъ. И задумалъ Марко недоброе.

— Добрый человѣкъ!—сказалъ онъ,—что вамъ дѣлать съ этимъ мальчишкой, коли и самимъ вамъ нечего ѣсть? Отдайте его мнѣ!

— Что ты, Марко богатый!—сказала мать.— Даетъ Богъ дѣтушекъ, дастъ и на дѣтушекъ.

— Полно упрямиться! у меня ему будетъ лучше, чѣмъ у васъ; воспитаю его какъ сына, да и васъ не оставлю. Вотъ вамъ пятьсотъ рублей!

Бѣдняки подумали, потолковали между собою, согласились. Взялъ Марко мальчика и уѣхалъ.

Морозъ былъ трескучій. Увидавъ въ полѣ сугробъ снѣгу, Марко остановился, разгребъ снѣгъ и бросилъ туда бѣднаго мальчика, приговаривая:

— Теперь владѣй Марковымъ богатствомъ!

Въ тотъ же день по дорогѣ той ѣхали купцы на ярмарку; и видятъ они, что изъ сугроба паръ идетъ.

— Сходи-ка посмотри, что за чудо!—сказалъ хозяинъ молодцу.

И тотъ, воротясь, рассказалъ, что въ сугробѣ проталинка; на проталинкѣ зеленѣетъ трава и цвѣтутъ цвѣты, а въ цвѣтахъ лежитъ мальчишечка, забавляется и улыбается.

— Это Богъ даетъ намъ благодать!—сказалъ хозяинъ. Взяли они того мальчика и повезли съ собою.

Только, подлинно, имъ благодать Божія была: на ярмаркѣ все продали съ большимъ барышомъ. Возвращаясь, они заѣхали къ Марку богатому за товаромъ. И узналъ отъ нихъ Марко про мальчика, и сталъ у нихъ всячески выпрашивать его.

— У меня, — говоритъ, — будетъ онъ расти вмѣстѣ съ дочерью; вамъ же его не дѣлится, а вотъ вамъ за это тысячу рублей, раздѣлите ее между собой.

Купцы согласились и уступили ему младенца.

«Ну,—думаетъ Марко, — погоди же! коли и морозъ тебя не беретъ, коли и въ сугробѣ не окочурился, то я справлюсь съ тобою вѣрнѣе!»

Скоро разлились рѣки; Марко взялъ мальчика, положилъ его въ ящикъ и пустилъ за полою водою, приговаривая:

— Владѣй теперь Марковымъ богатствомъ!

Вода помчала ящикъ, а Марко воротился домой въ полномъ спокойствіи.

III.

Долго плылъ ящикъ съ младенцемъ; наконецъ волною прибило его къ берегу, на которомъ стоялъ убогій монастырь. Въ то самое время послушникъ приходитъ къ рѣкѣ за водою и видитъ, что въ ящикѣ лежитъ мальчикъ,—лежитъ, забавляется и улыбается. Онъ побѣжалъ къ настоятелю.

— Чудо Господне!—сказалъ монахъ и пошелъ за мальчикомъ.

Принесли его, и сталъ мальчикъ у нихъ расти такъ скоро, какъ пшеничное тѣсто на опарѣ подымается. И растетъ онъ такой пригожій, такой смышленный и послушный, такой охочій до ученья и способ-

ный до церковнаго пѣнія, что всѣ не на радуются ему. Съ тѣмъ вмѣстѣ сталъ богатѣть и монастырь; стали вносить богатые вклады, и монастырь въ короткое время обстроился великолѣпно.

Такъ прошло пятнадцать лѣтъ; мальчикъ Иванъ сталъ ужъ на возрастѣ. Случилось какъ-то проѣзжать мимо Марку богатому, и заѣхалъ онъ въ тотъ монастырь; сталъ спрашивать, какимъ образомъ обогатилась святая обитель, и, узнавъ про неключимаго мальчика, опять сталъ бояться за свое богатство и опять задумалъ недоброе. Вотъ онъ сдѣлалъ богатый вкладъ въ монастырь и началъ просить, чтобы Ивана отпустили съ нимъ; говорилъ, что сдѣлаетъ его первымъ приказчикомъ, потомъ зятемъ, и что, наконецъ, Иванъ будетъ наслѣдникомъ всего несмѣтнаго богатства его и станетъ тогда вносить большіе вклады въ монастырь. Призвали, спросили Ивана; тотъ согласился; и его отпустили съ богатымъ Маркомъ.

Марко обласкалъ его и посылаетъ домой съ письмомъ къ женѣ, говоря, что черезъ три дня и самъ пріѣдетъ. А въ письмѣ онъ приказывалъ строго женѣ, чтобы она непременно послала гостя въ ту конуру, гдѣ содержатся у него самыя злыя собаки, и заперла бы его тамъ, и не давала бы корму собакамъ три дня, до его пріѣзда.

Отдавъ письмо Ивану, онъ простился съ нимъ и подумалъ:

«Теперь владѣй моимъ богатствомъ, прекрасный зятюшка и наслѣдникъ!»

IV.

Отправился Иванъ въ путь. На полдорогѣ заснулъ онъ крѣпкимъ сномъ. Въ это время его ангель-храни-тель невидимо взялъ у него письмо Марково и положилъ другое, въ которомъ такую же рукою написано было, что Марко нашелъ зятя своей дочери и велитъ женѣ поскорѣе обвинчать ихъ и приготовить пиръ на весь міръ, и что онъ черезъ три дня самъ пріѣдетъ пировать свадьбу и навезетъ съ собой гостей.

Жена такъ и сдѣлала; и всѣ не могли налюбоваться женихомъ, больше же всѣхъ—его молодая жена.

Черезъ три дня возвратился домой Марко богатый.

— Что, уходила молодца?—было первое его слово женѣ.

— И теперь еще ухаживаемъ за нимъ, мой отецъ. Ужъ подлинно молодецъ! Вчера обвинчали.

— Какъ!..—заревѣлъ Марко, но въ ту пору вошли молодые и подошли къ нему за благословеніемъ; дѣлать было нечего! Марко скрылъ на время свою злость и притворился веселымъ, пируя свадьбу съ гостями.

— Ну, зятюшка,—сказалъ онъ недѣли черезъ двѣ Ивану, — теперь надо хозяйство да прибытокъ вести, но сначала ты долженъ сходить къ вѣщуну Людоѣду да справиться у него: какъ велико мое богатство и есть ли счетъ ему?

Иванъ не зналъ еще всего, что бываетъ на этомъ свѣтѣ, и пошелъ.

Вотъ пришлось ему переѣзжать черезъ рѣку.

— Куда Богъ несетъ тебя, добрый молодецъ? — спросилъ перевозчикъ.

— Къ вѣщуну Людоѣду.

— Узнай ты у него, добрый молодецъ, когда кончится моя мука такая, что вотъ уже пятнадцать лѣтъ перевожу я, и не могу сойти съ лодки?

— Хорошо!—сказалъ Иванъ и пошелъ далѣе.

Вотъ видитъ онъ, стоитъ курганъ, на курганѣ колышекъ, а на колышкѣ стоитъ одной ногой мужичокъ, мотается онъ, куда вѣтеръ повѣетъ, и всего его вѣтромъ истрепало, какъ ветошку.

— Куда Богъ несетъ?—спросилъ онъ у Ивана.

— Къ вѣщуну Людоѣду.

— Ахъ, добрый молодецъ, узнай ты, когда кончится мука моя такая, что вотъ уже пятнадцать лѣтъ стою я тутъ, и мотаетъ меня, куда вѣтеръ повѣетъ, всего изветшалило!

— Хорошо!—сказалъ Иванъ и пошелъ далѣе, дивясь на такое чудо.

Долго шелъ Иванъ черезъ степи, черезъ лѣса, черезъ доли, черезъ горы и приходитъ, наконецъ, въ домъ вѣщуна Людоѣда. Его встрѣтила тамъ молодая жена Людоѣдова; она была русская. И рада и не рада она Ивану. Онъ разсказалъ ей, какъ и зачѣмъ пришелъ, разсказалъ про перевозчика и про мужика на курганѣ.

— Нѣтъ, не зачѣмъ послалъ тебя тестъ твой; онъ прислалъ тебя на съѣденіе; онъ вѣчный злодѣй твой!

И всплакался Иванъ.

— Не плачь, Иванъ, авось, сладимъ дѣло...

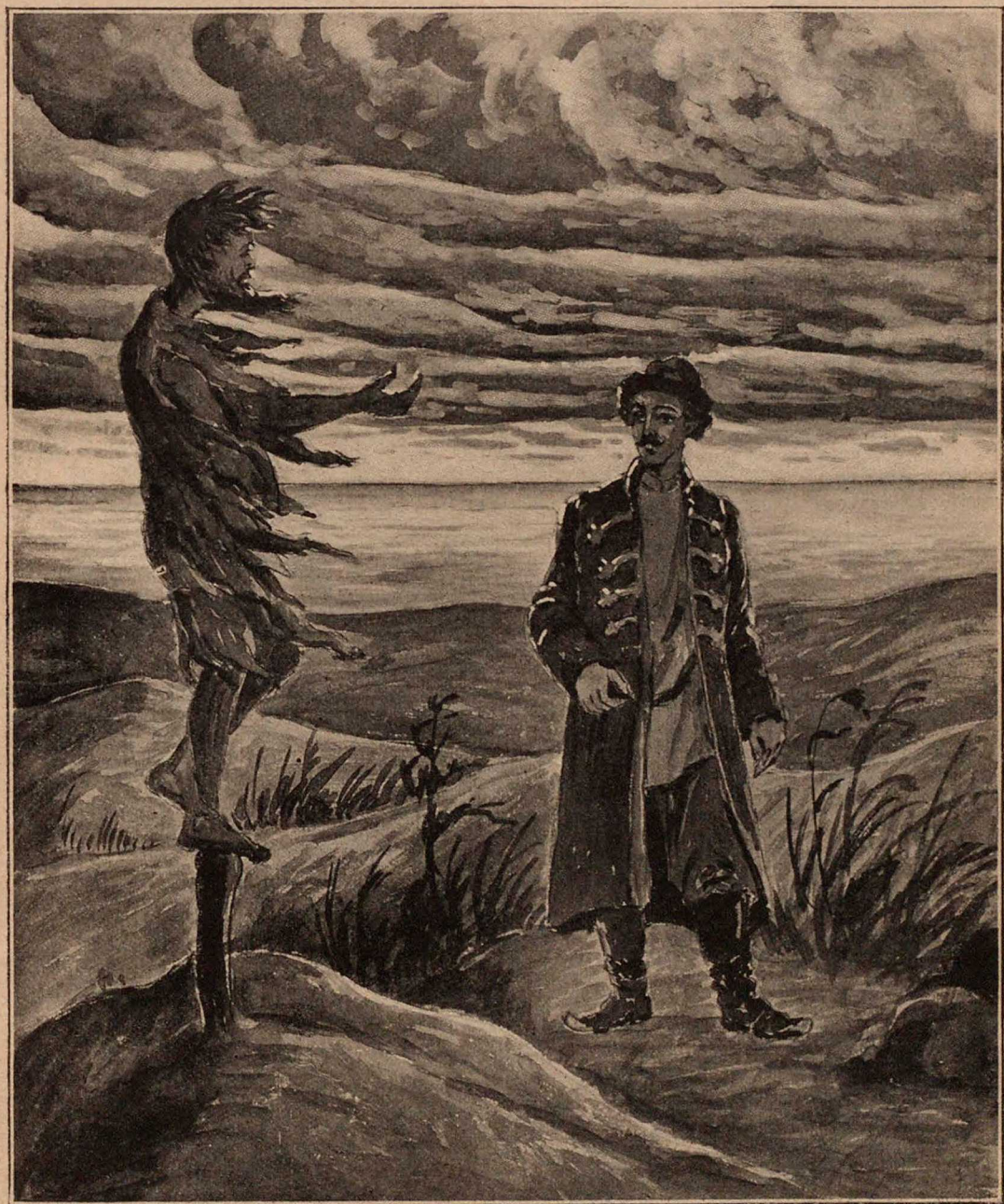
Вдругъ заревѣлъ вѣтеръ, закрутилъ вихорь.

— Ахти, — сказала она, — мужъ летитъ! Ну, слушай же хорошенько!

Тутъ она перекинула съ руки на руку иголочку, воткнула въ него; сталъ онъ булавочной головкой; и она приколола его себѣ на голову.

— Что это, жена, у тебя русскимъ духомъ пахнетъ?

— И! какому тутъ русскому духу быть! въ эти три года ужъ и мой русскій духъ весь выдохся. Знать,

ты леталъ все по Руси да нанюхался русскаго духу, такъ тебѣ и тутъ чудится!

— И то, быть-можетъ! — сказала Людоѣдъ и по-вѣрилъ.

V.

Вотъ жена его накормила, улегся онъ отдыхать и сталъ рассказывать ей, что творится на бѣломъ свѣтѣ.

— Слыхала я, — говоритъ она, — въ прежніе годы про Марка богатаго. Скажи, есть ли счетъ его богатству?

— Какъ звѣздамъ на небѣ! — отвѣчалъ Людоѣдъ.

— А что, скажи, долго ли тому перевозчику возить, что не можетъ съ лодки сойти?

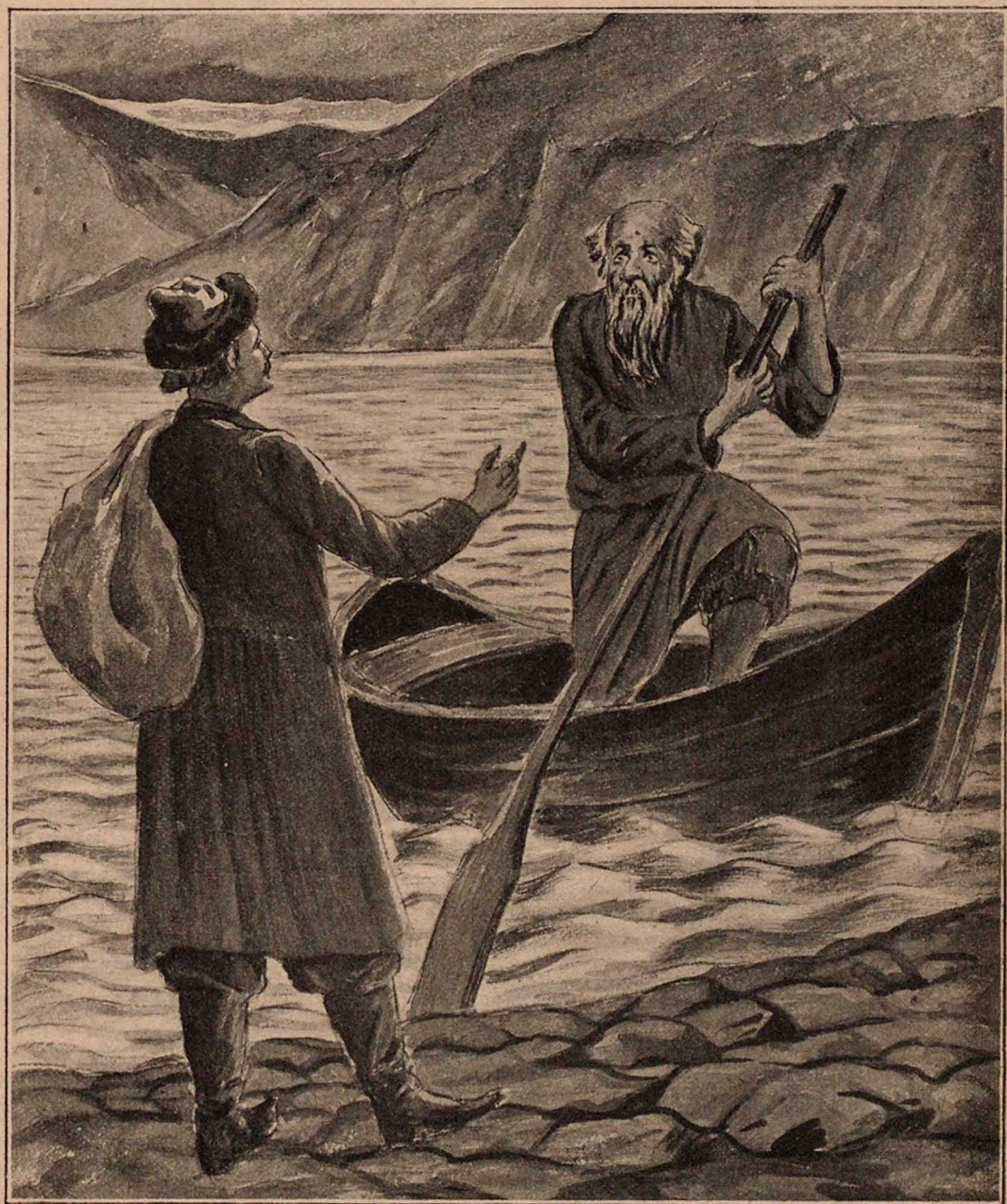
— Да пока онъ не сунетъ кому-нибудь весла въ руки, а самъ не соскочить на берегъ.

— А долго ли мотаться тому мужичку, что стоитъ на курганѣ на колышкѣ!

— Да коли кто-нибудь догадается ударить его наотмашь палкою, такъ онъ разсыплется золотомъ да каменьями самоцвѣтными!

— Вотъ такъ! Сосни же, голубчикъ!

Людоѣдъ заснулъ. На утро проснулся, поцѣловалъ жену и улетѣлъ рыскать по свѣту. Тутъ она вынула

булавку изъ головы, перекинула съ руки на руку, и булабочная головка стала опять молодцомъ Иваномъ.

— Слышалъ? Ну, теперь поди съ Богомъ да не поминай лихомъ!

Тутъ распрощались они, какъ слѣдуетъ, и Иванъ отправился въ дорогу.

— Что, Иванъ, скоро ли? — закричалъ мужичокъ, увидавъ его съ кургана.

— А вотъ сейчасъ! — сказалъ Иванъ, хватъ его палкою наотмашь.

Мужичокъ посыпался и зазвенѣлъ червонцами, алмазами и всякими самоцвѣтными камнями, Иванъ набралъ ихъ, сколько снести могъ, и отправился далѣе.

— Что, добрый молодецъ, узналъ ли, какъ мнѣ избавиться? — закричалъ перевозчикъ, увидавъ Ивана.

— А вотъ какъ перевезешь, такъ тогда и скажу!

Сойдя съ лодки на другой берегъ, Иванъ разсказалъ перевозчику, какъ самъ слышалъ отъ Людофда, и пошелъ домой.

— Не сгибъ и тутъ! — проворчалъ Марко съ досадою, увидавъ въ окно возвращающагося зятя.

Иванъ пересказалъ, что узналъ у Людофда; и Марко обрадовался несказанно, что богатству его нѣтъ числа, какъ звѣздамъ на небѣ.

— Это откуда столько? — спросилъ онъ, увидавъ драгоцѣнности, которыми Иванъ дарилъ молодую жену свою.

— Сколько? — сказалъ Иванъ. — Нѣтъ! тамъ на курганѣ и не столько еще осталось, да ужъ нести было не подъ силу.

— Что же ты, братъ, пойдемъ поскорѣе, пока еще не растаскали!

— Съ меня довольно и этого; а коли хочешь, поди самъ!

Марко, хотъ и богатый былъ, поразспросилъ дорогу, немедля отправился изъ дому, — да ужъ и не возвращался.

Иванъ владѣеть Марковымъ богатствомъ; а Марко богатый все возить да возить черезъ рѣку, и ввѣкъ не догадается, что ему надо сдѣлать...

